

Один, но рядом с кем-то...

**Сборник номинантов
на Премию имени Сергея Довлатова**

Выпуск 1

Москва
Интернациональный Союз писателей
2020

Содержание

Предисловие	13
------------------------------	-----------

Поэзия

Александр Андронов	16
Мысли, мысли...	16
Мы памятник ему воздвигли рукотворный...	17
Надежда	18
Нурия Валиахметова	19
Когда батыр упал	20
Маршальская кровь Музая	20
Радовал родных Музай	21
В памяти народной	21
Юрий Выборнов	22
А коль играешь	23
Облизнутся подхалимы	24
Не буду лгать	25
Вам душу открою в стихах	26
Кто мне скажет	27
Кто-то кого-то	28
Научился	28
Ответ в стихах	29
Пополудни	30
На крыльях мечты	31

Держите ушки на макушке	32
Белка и Зелёный Змий	34
Есть те, кто любит	35
Бывают моменты, когда...	36
Тридцать восемь	37
Щеголяют, гарцуют франты	38
Душа моя, тебе унынье близко	39
В беспечные часы	40
Время жизни	41
Под трафарет	42
Встречал я господ	43
Повсюду	44
Кредо	45
Станный народ	46
Я самобытен	47
С рожденья	48
Зима	49
Дабы было неповадно	50
Матёрый волк	51
Жизнь делится	52
Оксана Выборова	54
Ты сильнее	54
Ты набери ноль семь	55
Полнолуние – это шанс	55
Время всем нам говорит	56
Чистый лист	56
Мастер и Маргарита	57
Метро	58
Путь	58
Счастье	59
Разговор	59
Октябрь	60
Люди – роботы!	60
Витольда Гагарина	61
С думой о планете...	62

О наших душах...	64
Вам мысль не приходила?	65
Валерий Дорофеев	67
«Бунтуют, грязью поливают...»	67
«Я никогда себя не понимал...»	68
«Убийства, разборки, пустынное поле...»	68
«Я потерялся. Мой исчезнет след...»	69
Виктор Дроздов	70
Всё хорошо, а плохо...	71
Ухабы да ямы	72
Табунщик	73
Птичий гомон	74
Шпроты	76
Скорлупа	77
С думой о народе	78
Позорище!	79
Серьёзный разговор	80
Палач	81
Почётный погост	82
Письмо другу...	83
Михаил Жинжерев	85
Трамп победил	86
Далёкие друзья	87
Потерянное поколение	88
Уважаемые люди	90
В мире насекомых	92
Краткий обзор	92
Часть первая. Былое без дум	92
Часть вторая. Реальность, взгляд сбоку	94
Часть третья. В Новом Свете, взгляд изнутри.	96
Александр Золотов-Сейфуллин	99
Зачем?	100
Зухре	100
Диане	101

Как сладко	101
Сонет № 8	102
Лицом к лицу	102
О поэте	104
Посвящение В. Шукшину	105
Однокурсникам	105
Памятник	106
Где Отечество	106
Где ты, страна?	107
На все времена	107
О, если б речи слышал я	108
Друг Аристотель	108
Фуга	109
Сущность № 1 (к олигархату)	111
Сущность № 9	111
Сущность № 10	112
Сущность № 18	112
Сущность № 28	113
Сущность № 29	113
Татьяна Куликова	114
Сон наяву	115
Елена Свирина	118
«У моей России синие глаза...»	118
«В сером небе неясная просинь...»	119
«Пеленой покрыто небо...»	120
«Что там станется с тобою...»	121
Элеонора Тихонова	122
«Мне не нужно других дорог...»	122
«Забуду...»	123
«Убегают не дни, а минуты...»	124
Нина Тремаскина	125
Парадигмы	125
Белый единорог	126
Рыжее солнце	127

Три коня	128
Когда ты – Луч	128
Владимир Украинский	129
Кресты	130
Альфред Хобер	132
Мой край сосновых изумрудных кружев	132
Любовь моя – деревенька	134
Последняя изба	134
Рябинок бьётся пламя	135
Двор мой – на семи ветрах.	136
Хлопочет время...	136
Взорвались сирени...	137
А тишина – у каждого своя.	137
Зарастает мир былём...	138
Брошенная земля...	138
«Не задержалось время здесь, ушло...»	139
Ты лишь в памяти, деревня...	139
Монолог яблоньки	140
В отцовском саду	140
Загублена...	141
Конь гнедой меня везёт	142
Крестьянский сын	143
Тихая печаль	144
Неумолимость	144
Болеем судьбами России	145
Наталья Якимова	146
На жизнь не сетуй, милый друг...	147
О любви	149

Проза

Рамиз Аббаслы	152
Песня слепого	153
Отравленный кофе	159
Борис Алексеев	167
Штрафстоянка 8 Марта	168
Анатолий Анатольев	174
Песцы	174
Сила слова	178
Пари	186
Радикальный рецепт	199
Брусника	204
Жизнеутверждающий «прикол»	211
Первый закон	213
Татьяна Бадакова	219
Письма	220
Андрей Белов	227
Ностальгия	228
Александр Ведров	255
Народный директор	256
Ирина Вотинова	262
Зарисовка с натуры	263
Гала ДжИва	267
Щедрость	268
Марина Дербина	270
Прекрасное настоящее	271
Ольга Ефимова-Соколова	275
Да здравствует самоизоляция!	275

Михаил Жинжеров	278
Невеста	279
Николай Ивлеев	280
В деревне	281
Михаил Игнатов	284
«Миша! Женись на наших сёстрах!»	284
На лекцию	291
Затяжной прыжок замполита	293
Старый дуб	294
Некоторые злоключения заместителя директора завода	296
Василий Колин	299
Купите польта	300
Анастасия Коралова	307
Как я выезжала в Америку	307
Навязанная мечта детства, или Страшная сила пропаганды	314
Послесловие	321
Виктор Королев	322
Смешные люди	322
Елена Луговская (Лён)	327
Нет ни рек, ни пути в том, кто растворился в других	328
Вадим Медунецкий	331
Художник и Муза	332
Анатолий Мерзлов	338
Этот безумный, безумный мир	339
Лев Почерк	343
Подражание псалмам Давида	344
Жизнь – не Бермудский треугольник	344
Самсон – три в одном	345

Илья Рыжов	346
Пятнышко	347
Геннадий Серов	351
Экспедиция	353
Николай Сычёв	369
Миниатюры с натуры	370
Стрессы для прессы	370
Партийная диспепсия	376
Марш кошачьих бригад	383
Как вступить в партию	386
Валерий Тихомиров	389
Душа и сердце	390
Галина Фёдорова-Косарева	399
Минуты роковые	400
Алексей Хазанский	415
Операция «Песочница»	416
Странные люди	424
Рассказ очевидца	426
Странные люди – 2, или Поход в поликлинику	429
Однажды в Городе	432
Елена Щербакова	433
Рыжак Рыжич и Мушарка	434
Как писатель отобедал в театре с Рабле	435
Кошка в углу на витрине	437

Рамиз Аббаслы

Известный писатель Рамиз Аббаслы родом из Карабахского региона Республики Азербайджан. Учился в сельской школе, потом поступил в Бакинский государственный университет. Долгое время работал в нефтяной отрасли. Пишет на азербайджанском и русском языках. Автор шести книг (пять на азербайджанском языке, одна на русском), многочисленных статей и переводов (с русского, английского и немецкого языков). Большое значение придаёт переводу художественной литературы. В его творчестве особое место занимает короткий рассказ — труднейший жанр прозы. Продолжая и успешно развивая традицию классиков мировой литературы, Рамиз Аббаслы добился значительных успехов в этом жанре. Следует особо подчеркнуть его неустанное стремление к созданию идеальной структуры в малой прозе. Русский читатель уже знаком с работами автора. По мнению российских критиков, рассказы Аббаслы современны, неповторимы и поистине величественны в своём внимании к деталям, глубине чувств и необычности сюжета. Та же российская критика отмечает, что произведения посвящены в основном родной для автора культуре — культуре азербайджанского народа, её характерным чертам и тонкостям. Но иногда Рамиз Аббаслы затрагивает и особенности иных менталитетов, причём предельно корректно и с большим уважением. Такой гуманный подход вызывает большой интерес к культуре самого автора. Это новая проза, новый взгляд на мир.

Песня слепого

(рассказ)

Как и многие дети Карабаха, в детстве я любил петь. По-моему, хорошо пел, и за это меня приглашали выступать на концерте самодеятельного коллектива. А мне самому нравилось петь на свободе, в основном когда я со своими сверстниками пас овец и коров в долине реки или на предгорных пастбищах. Ближе к закату мы возвращались с пастбищ. В низовьях долины, недалеко от речки, был кяриз — источник чистой воды, это то же самое, что и родник. Коровы и овцы принимались пить воду из речки. А мы пили из кяриза, умывались, потом шли за стадом, которое уже направлялось в сторону деревни. Впереди шествовали коровы, гордо демонстрируя свои длинные рога, а за ними — козлы и овцы. Переправившись через речку, вся эта процессия выходила на прямую дорогу. Вот тогда мальчики и девочки просили меня петь. Я и сам хотел; всё было так прекрасно и романтично, что волей-неволей хотелось петь. Но была какая-то заминка, потому что я не знал, с чего начинать. А терпение моих товарищей лопалось: «Просим, умоляем! Спой что-нибудь. Да ладно...» Я начинал петь и чувствовал, что выходит хорошо, даже намного лучше, чем на концерте в клубе.

Один раз я запел, когда шёл в школу. Это был редкий случай — я никогда не пел по дороге в школу. В то время я учился в шестом классе, а наши занятия начинались в полдень, то есть во вторую смену. Итак, в полдень, идя в школу, я запел.

В моём репертуаре в основном были народные песни. А идя в школу, я пел песню из спектакля; когда озвучивали

её, диктор обычно так и объявлял: «Песня слепого из спектакля...» Это очень грустная и трудная песня. В тот день настроение у меня грустным не было, но почему-то стал петь именно её:

Чаша терпения переполнилась,
Где же ты, справедливость?
Отзовись, ты слышишь?..

Я пел и продолжал свой путь. Прошёл мимо одного дома. Этот дом принадлежал самому бедному человеку нашей деревни. Люди там жили очень бедно: у них ни коров, ни овец, ни козлов не было. У них, по-моему, даже кур не было. И собак они точно не держали. Земля их — приусадебный участок — никогда не вспахивалась, там огорода не было и деревья не росли. Одно-единственное тутовое дерево, на вид старое и чахлое, как его владелец, росло в передней части уныло-серого дома. Куда ни глянь — везде и всюду царила страшная нищета. Пройдя мимо этого дома, краешком глаза я заметил, что второй сын бедняка, молодой человек лет двадцати, стоит ближе к воротам пустого двора и слушает, как я пою.

Я уже дошёл до другого дома — соседа бедняка. Между тем песня уже была на стадии завершения; именно эту часть её, концовку, исполнять очень трудно. Но я успешно справился с этой задачей, завершив своё выступление, облегчённо вздохнул и хотел ускорить шаг, чтобы не опоздать на первый урок. Вдруг услышал звук сзади. Повернувшись, увидел, что этот молодой человек вышел на улицу и смотрит в мою сторону. Как только я повернулся, он тут же сказал: «Гурбан олум, гардаш! Спой эту песню ещё раз. Очень прошу, умоляю!»

Не раздумывая, я начал петь, точь-в-точь повторяя то, что пел до этого. А второе исполнение явно было лучше первого. Завершив своё выступление, я повернулся и посмотрел назад. На расстоянии около ста метров, опустив голову, молодой парень стоял так, как будто это был не живой человек, а некая статуя. Я быстро отвернулся и, ускорив шаг, пошёл в школу.

В то время я не придавал значения этому. Хотя что-то особенное было в просьбе молодого человека. Правда, иногда меня просили петь. Но так не просили. К тому же обычно это были те люди, которые меня знали. А я не был знаком с этим человеком. Мы жили в разных, отдалённых друг от друга местах: я — в верхней правобережной части деревни, в Чайкенте, а он жил в нижнем левобережье. Он был старше меня, я с ним не общался никогда. Я просто знал, чей он сын и как его зовут. А он, по-моему, даже не знал, как меня зовут, и вдруг так попросил.

Впоследствии, спустя десятилетия, иногда вспоминая это событие, я постарался кое-что выяснить для себя. В то время в отдалённых деревнях телевизора не было. Радио уже появилось, но мало у кого была такая роскошь. Безусловно, у этой бедной семьи тоже радиоприёмника не было. А какую-то песню люди могли слышать или на свадебных торжествах, или по радио. «Песня слепого» грустна и неритмична, на свадьбах таких не поют. Итак, получается, что сын бедняка эту песню впервые услышал в моём исполнении. Она — голос души судьбой обиженного человека, слепого. Чем же лучше человек очень бедный? Он гол как сокол и такой же одинокий, такой же несчастный, как слепой. Бедный сосед соседям не нужен, бедный родственник не родной человек,

он чужой, вся родня сторонится его как зачумлённого. Мир таков, он очень жестоко обращается с людьми такого рода. В «Песне слепого» об этом и говорится: слепой, покинутый всеми, одинокий, несчастный человек отвергает этот жестокий мир, считает его несправедливым. Об этом пел и я. А сын бедного мужика услышал. Но это же голос его души! Ах вот оно что, оказывается, есть и песня, в которой поётся о его чувствах и думах! Молодой человек был шокирован. Он выскочил, побежал к воротам — хотел знать, кто же поёт. А вот он, мальчик какой-то идёт в школу. Интересно, кто это? Да какая разница, кто он? Главное, он хорошо поёт. Молодец! Его звонкий голос порхает над деревней, как стая диких голубей, обитающих в Инджирлике, шаркая своими сильными крыльями, рвётся к облакам, ещё дальше — к звёздам... Господи, как он поёт и как точно передаёт то, что всю жизнь волновало сердце бедного парня:

Чаша терпения переполнилась,
Где же ты, справедливость?
Отзовись, ты слышишь?..

Когда началась оккупация, не все жители нашей деревни успели покинуть свои дома. Остались в основном пожилые люди. Они не могли поверить тому страшному, о чём говорили многие, и часто, притом с явной иронией, спрашивали: «Как это? Зачем? А куда я пойду, если еле хожу? Нет-нет, что вы! Я даже полдня не могу прожить в другом месте, тем более в каких-то вагонах, палатках. Я останусь здесь. Убьют? А это зачем? Я никому ничего плохого не сделал...» Артиллерийские снаряды летели над их головами и падали рядом

с ними, точно попадая в цель, разрушали наиболее заметные здания: школу, мечеть, административный центр бывшего колхоза, двухэтажные дома состоятельных людей... Обстановка накалялась. А наивные люди — в их числе был и сын бедняка, но уже немолодой — всё медлили, откладывали свой уход. И вдруг... Оказывается, уже уйти куда-то подальше, спастись невозможно. Деревня была оккупирована. Разрушили всё, что можно было разрушить, сожгли всё, что можно было сжечь. Люди... Об оставшихся там людях ничего не известно, их считают пропавшими без вести.

Человек же не иголка, как это — «пропавшие без вести»? Когда деревня была оккупирована, там были люди. Их или убили, или взяли в плен. Однако есть и другая версия: их не убили, в плен тоже не взяли; их не трогали по той простой причине, что в той разрухе они долго не проживут и скоро сами умрут с голоду, — наверное, так и было.

Сын бедняка тоже остался в оккупированной деревне. Но, в отличие от других заложников, он с детства привык к лишениям и трудностям. В принципе, его образ жизни не изменился. У него было и другое преимущество — его дом уцелел. Оккупантов можно понять: зачем разрушать хижину нищего? Зачем сжигать приусадебный участок, если там ничего не растёт? Итак, вся недвижимость бедняка, которую он унаследовал от своего отца, осталась нетронутой. А он продолжил жить в своём привычном режиме. Наверное, ещё долго будет жить. Я даже представляю, чем он занимается: с утра до вечера стоит на улице — это на дороге, которая вела в школу, — возле ворот, где я его видел в последний раз, опустив голову, слушает свою любимую песню — «Песню слепого». Школы как таковой уже нет: её разрушили до основания.

А дорога остаётся, но она так заросла травой, даже не верится, что эта длинная полоса когда-то была дорогой. По этой дороге в школу ходил и мальчик, который любил петь. Особенно хорошо пел он «Песню слепого». Мальчика уже нет: он вырос и давно, даже задолго до оккупации, покинул деревню. А песня, которую он пел всего два раза, остаётся. Его звонкий голос, то поднимаясь, то опускаясь, звучит неустанно, кружится над развалинами деревни, как стая диких голубей в безутешном поиске разрушенного гнезда.

Вся деревня разрушена. Кладбище и мечеть тоже разрушили. Когда-то цветущая и красивая деревня сама превращена в огромное кладбище. В долине реки поселились демоны и дьяволы. Там по ночам бродят призраки. Везде и всюду царит гробовая тишина. Но временами слышен какой-то отвратительный звук — демоны и дьяволы о чём-то говорят между собой. Это так подло и так ужасно, что земля страшно содрогается, мёртвые слятся перевернуться в своих гробах. Внизу, в чаще леса, среди разрушенных домов, в самом центре руин, опустив голову, стоит неподвижно, как статуя, беднейший человек мира; затаив дыхание, он слушает песню слепого:

Чаша терпения переполнилась,
Где же ты, справедливость?
Отзовись, ты слышишь?..

Отравленный кофе

(рассказ)

В полдень к отелю «Шахдаг» райцентра Губа подъехал красивый автобус. Осень уже в разгаре, но везде в Азербайджане, даже в его северных районах, отличная погода: ясный и солнечный день. Автобус остановился, двери открылись. Пассажиры стали выходить; все они туристы, и, как ни странно, все они поэты и писатели. Это, конечно, редкое явление, но в тот период в этом ничего удивительного не было.

В самом конце сентября в Баку начался литературный фестиваль народов Евразии. А по регламенту третий день фестиваля был днём экскурсий. Участники — сто пятьдесят человек — разделились на три группы, и одна из них предпочла поездку в город Губа. Как только все сошли с автобуса, гид на английском и русском языках сказал, что сейчас у них кофе-брейк — это иностранное слово, и оно означает перерыв, во время которого люди отдыхают, пьют чай или кофе. Посмотрев на свои наручные часы, гид добавил, что через тридцать — сорок минут все туристы должны собраться здесь, отсюда они поедут на встречу с представителями района — любителями литературы.

Люди устали. В восемь часов утра они выехали из Баку. В половине одиннадцатого их автобус прибыл в Губу. Гости посетили мемориал памяти жертв геноцида. На это ушёл ровно час. Теперь же время отдыха; в спокойной обстановке можно посидеть, поговорить, выпить чай или кофе.

В ресторане гостей встречали очень радушно. Часто звучали слова «Хош гялмисиниз!», «Добро пожаловать!»,

«Вэлкам!». Кофе-брейк был роскошным. Предлагали пить свежесваренный чай, кофе, фруктовые соки, минеральные воды, даже родниковую воду. Можно было попробовать сладости азербайджанской национальной кухни: шекербуру, пахлаву, шекинскую халву, бадамбуру, губинскую пахлаву, шор гогал... И всё это совершенно бесплатно и без каких-либо ограничений. Такой изумительный кофе-брейк туристы увидели впервые.

Вокруг одного из столов собрались четыре человека: Ричард Беренгартен — поэт, литературовед, профессор Кембриджского университета, человек всемирно известный, но удивительно простой; Сильви Мария — молодая, но уже известная поэтесса Бельгии; Мариже Лангелаар — тоже молодая и тоже известная поэтесса, но из Голландии; и Джамал Бенхайуон — известный в арабском мире поэт, литературовед, профессор из Марокко. Все они взяли по чашке кофе. Мужчины ограничились пахлавой и шекербурой, женщины же сладостей взяли больше.

Удобно расположившись, все они похвалили кофе-брейк. Ничего не скажешь, здесь всё прекрасно. Да вы посмотрите, какой ассортимент! А теперь давайте оценим, что за сладости у них. Опредив всех, весёлая Сильви Мария откусила пахлаву. По лицу видно было, что ей очень понравилось. Так она и сказала: «Excellent!»

Сидящие за столом, за исключением Джамала, сразу же попробовали пахлаву, и все кивали, что означало их согласие с оценкой Сильви Марии. Джамал не принимал участия в дегустации сладостей; он взял кусок сахара, бросил в свою чашку и стал медленно размешивать ложкой. Между тем Сильви Мария уже попробовала шекербуру и опять дала высокую

оценку: «Excellent!» Вслед за ней шекербуру взяла Мариже Лангелаар, она тоже похвалила эту сладость. Беренгартен же решил доесть пахлаву, а потом взяться за шекербуру. Но ему не нравилась вялость Джамала, и он хотел его расшевелить:

— Вы так долго размешиваете... Ешьте сладости, они очень вкусные.

— Хорошо, — вежливо сказал тот.

Но Джамалу не до еды было. Он пригубил кофе. На его удивление, кофе оказался очень горьким. Джамалу стало очень неприятно. Он взял ещё два куска сахара, тоже положил в свою чашку и стал размешивать ложкой. Потом опять пригубил. Но... увы! Ничего не изменилось, даже дополнительные куски сахара не улучшили вкус кофе. Ему хотелось выплюнуть и прополоскать рот водой. Между тем всё это отразилось на его лице: оно выражало боль и отвращение. Заметив это, Сильви Мария забеспокоилась и спросила:

— Что с вами? Вам плохо?

— Кофе очень горький, — с трудом сказал Джамал. — «Горький» не то слово, как будто это не кофе, а какая-то отравка.

На лице бельгийки появился страх, и её волнение сразу же передалось голландской поэтессе. Та чуть не заплакала и с сожалением сказала:

— А это зачем?!

— Всем нам кофе налили из одного кофейника, — хладнокровно заметил Беренгартен. — Я, как всегда, в чашку положил один кусок сахара. Вот и пью, — сказав, он сделал глоток. — Он вовсе не горький, очень даже нормальный.

— Я тоже положила в свою чашку один кусок сахара, и мой кофе нормальный, — сказала Сильви Мария.

— А вы сколько сахара положили в свою чашку? — спросил Беренгартен, обращаясь к Джамалу.

— Сперва положил один кусок. Попробовал — горько. Потом ещё два куска положил. Опять попробовал — опять горько. Очень горько.

— Я считаю, что проблема не в кофе, а в вас, — сказал Беренгартен. — Вы или заболели, или же в связи с переменной климата у вас началось какое-то недомогание. Насколько я помню, утром в Баку вы завтракали нормально, пили и чай, и кофе. Не так ли?

— Вы правы, — сказал Джамал. — Утром всё было отлично.

— Давайте сделаем так: вы возьмите себе новую чашку кофе, возьмите побольше сахара и несколько ложек. Всё это принесите сюда. А потом я скажу, что надо делать дальше, — предложил профессор из Кембриджа.

Джамал сделал то, что попросил Беренгартен: при всех в чашку бросил два куска сахара, чистой ложкой размешал. Беренгартен чистой ложкой взял кофе, попробовал и сказал:

— Это для меня сладко.

Потом из этой чашки пробу взяла Сильви Мария. Она сказала, что кофе очень хороший.

— А теперь попробуйте вы, — обращаясь к Джамалу, сказал Беренгартен. — Но, пожалуйста, только чистой ложкой; мы здесь проводим эксперимент, и, наверно, после вас ещё кто-то захочет попробовать кофе из этой чашки.

И Джамал отпил кофе. Но при этом он так вздрогнул, словно в его рот попало что-то очень отвратительное и мерзкое. Ему показалось, что вся его внутренность сейчас вывернется наизнанку и содержимое выльется прямо на стол. Это

испугало его, он быстро схватил салфетку со стола и ладонью правой руки закрыл себе рот.

«Кто-то отравился!» — эти слова молниеносно дошли до всех. Но, несмотря на очень высокую скорость, они всё же успели значительно измениться, и люди уже стали говорить о другом:

— Кого-то отравили!

К столу, где сидел Джамал, прибежали гид и шеф-повар. За ними подоспел заврестораном. Люди были в тревоге и хотели знать, что случилось. Беренгартен на английском языке вкратце изложил, как было дело. Потом дал своё заключение: человек заболел, и, наверно, ему нельзя пить кофе.

— Вот его кофе, — сказал профессор. — Мы все пробовали из его чашки — кофе нормальный. И он пил из этой же чашки, но ему кажется, что кофе очень горький. Если хотите, можете попробовать. Все мы, в том числе и Джамал, пользовались чистой ложкой.

Шеф-повар, гид, а после них заврестораном попробовали кофе. И все они облегчённо вздохнули: нет проблем, кофе отличный.

— А что же случилось тогда? — спросил один из туристов.

Беренгартен, как учёный человек, был уверен в правильности своего мнения и ещё раз повторил:

— Человек заболел, и ему нельзя пить кофе.

— Вы правы, — сказал гид. — Но здесь есть одно но. Если помните, когда я рассказывал о мемориале...

На мемориале гид рассказывал:

— В 1918 году вооружённые до зубов армянские бандформирования нападали на Губинский уезд Бакинской губернии — нынешний Губинский район Республики Азербайджан.

Бандформированиями командовал армянский генерал Амазасп Срванцтян. А он не скрывал своего намерения, в его обращении к населению Губинского уезда говорилось: «Я пришёл, чтобы уничтожить всё население этого края — от берегов Каспия до вершин Шахдага». Так началось массовое истребление населения Губинского уезда; было убито шестнадцать тысяч человек, сто шестьдесят семь селений было стёрто с лица земли. В основном пострадали женщины, дети и старики. Но эта кровавая акция была не первой и не последней. Массовая резня мирного населения была осуществлена и в Баку, там в течение трёх дней бандиты убили тринадцать тысяч человек. А в Шемахинском уезде от рук армян пало более восьми тысяч человек.

Амазасп Срванцтян был не один; в то время на территории Азербайджана было много армянских бандформирований и армянских генералов. Они уничтожали мирное население не только в Бакинской губернии, но и в Карабахе, Зенгазуре, Нахичевани, Иреване. Только в Нахичевани было убито семьдесят четыре тысячи человек. А из этого явствует, что Губинская трагедия была одним из многочисленных кровавых событий того времени. В результате погибло шестнадцать тысяч человек.

Шестнадцать тысяч трупов. Бандиты не хоронили их; им не до этого было. Их сотнями бросали в ямы и засыпали землёй. Но далеко не всегда удавалось найти подходящие ямы. Тогда бандиты выкапывали глубокие колодцы и бросали трупы туда. В 2007 году при проведении строительных работ на правом берегу Гудиялчая, где мы сейчас стоим, строители обнаружили останки человеческого тела. Работа была приостановлена. Пригласили специалистов, и на этом месте

начались раскопки. Нашли два колодца, в которых были погребены более четырёхсот человек. В 2013 году на этом месте построили Мемориал памяти жертвам геноцида.

— А теперь мы зайдём во внутреннюю часть этого сооружения, — сказал гид.

Туристы направились ко входу саркофага, в котором из шестнадцати тысяч погибших были похоронены четыреста. Лестниц не было, люди спускались по наклонной дороге вниз. Это означает, что с помощью специального тоннеля посетители вошли в зону колодца — необычной могилы, где погребены сотни людей. В подземелье они увидели скелеты погибших, фотографии тех времён и свидетельские показания очевидцев, а также акты расследований специальных комиссий по горячим следам чудовищного преступления, отрывки правительственных нот и газетных статей тогдашнего времени, осуждающих злодеяние преступников.

Через час люди вышли из подземелья. Посещение мемориала завершилось, и туристы стали собираться у подножья лестницы. В это время к ним подошли корреспонденты средств массовой информации и начали задавать вопросы. Один из журналистов, молодой человек лет тридцати, подошёл к Джамалу и на английском языке спросил:

— Вы откуда?

— Я из Марокко, — сказал Джамал.

— Вы уже посетили мемориал. Каковы ваши впечатления?

— Мои впечатления... — сказал Джамал и задумался. — Вы задаёте очень трудный вопрос. Я сам поэт, но в данной ситуации не могу ответить на ваш вопрос. Потому что я потрясён, я в шоке. Чтобы выразить свои чувства, переживания, я должен трудиться день и ночь, написать сто книг.

Не знаю, справлюсь ли с этой задачей. Задача непростая, но я обязан сделать это. Задавая дополнительные вопросы гиду, я выяснил, что эта кровавая акция не была случайной — всё это было заранее запланировано и продолжалось ровно сто лет, — началась она на заре XX столетия и завершилась только в конце века геноцидом в Ходжалах. Людей не только убивали, безбожно издевались над их трупами. Сжигали не только трупы, но и живых. Особенно жестоко обращались с детьми: их сжигали на кострах, как сжигают сухие дрова или солому... И, как ни странно, всё это нашло своё отражение в армянской литературе. В рамках фестиваля на пленарных заседаниях мы, поэты и писатели всего мира, обсуждаем глобальные проблемы человечества и роль литературы в формировании человека будущего. Если в современном мире совершаются такие преступления, как можно говорить о формировании нормального человека? Если всё это происходит на наших глазах, то и мы сами в какой-то мере являемся соучастниками. Мы живём в очень небольшом и хрупком мире. А человек своими злодеяниями отравил этот мир. Вокруг нас всё отравлено, всё ядовито — я хочу написать об этом.